

— Учитель Ян, вы, наверное, слишком мало проверяли исправленные работы, раз у вас атрофировалась способность видеть главное. Я так явно вас избегаю, разве вы не видите?

— Чи Шу, ты!

Видя, что двое вот-вот начнут ссору, выражения лиц наблюдавших за этим учителей мгновенно изменились. С неловкими улыбками они бросились вперед, развели их в стороны и стали расталкивать в противоположные направления, словно разнимая дерущихся.

— Ай-яй, Сяо Чи, как ты можешь так разговаривать с девушкой! — с упреком посмотрел на Чи Шу завуч. — Говори же нормально! Учительница Ян еще молода, по молодости легко поддается чувствам. Ты же делаешь так, что как вы теперь будете работать вместе?

Хм, говорят, что женщины лучше всего понимают женщин. Сегодня Чи Шу действительно почувствовал, насколько это правда.

Чи Шу чуть не рассмеялся от злости:

— Завуч, а кто именно создаёт неудобную атмосферу в коллективе, разве вы сами не понимаете?

Завуча его слова застали врасплох, он замялся, неуверенно усмехнулся:

— Как бы то ни было, ты же мужчина...

Не договорив фразу, он взглянул на мрачное, налитое свинцом лицо Чи Шу, и сердце его внезапно ёкнуло. В следующий миг страх, словно гремучая змея, резко прикоснулся к коже, заставив всё его тело сильно дрогнуть.

Он никак не ожидал, что всегда со всеми невероятно приветливый Чи Шу в гневе окажется таким пугающим — достаточно одного взгляда, чтобы заставить сердце трепетать.

Завуч, из последних сил сохраняя самообладание, криво усмехнулся:

— Кхе-кхе... Учитель Чи, ты уж не обращай так много внимания на молодую девушку. Эм... у меня ещё есть дела, я пойду.

Сказав это, он не осмелился взглянуть на лицо Чи Шу, поспешно развернулся и быстрым шагом направился прочь, будто боялся, что если задержится ещё на секунду, Чи Шу набросится на него, схватит за горло и ударит.

Окружающие зеваки разошлись. Свежий утренний воздух хлынул в окно. Чи Шу, опершись о край стола, согнулся и сделал несколько глубоких вдохов, лишь немного выпустив скопившееся в груди негодование.

Он схватил телефон и пачку сигарет, уже хотел повернуться к окну покурить, как внезапно появившаяся тень заставила его вздрогнуть.

Чи Шу посмотрел на него и с досадой воскликнул:

— Старина Люй! Ты хочешь кого-то напугать до смерти, появляясь так бесшумно!

Старина Люй, с двумя отвисшими мешками под глазами, посмотрел на него. Движение его головы было точь-в-точь как у того ленивца из «Зверополиса».

Нет, не только движение — даже внешне он был очень похож.

— Ты умер от испуга? — Старина Люй зевнул, явно только что проснувшись.

Что ж, способность крепко спать — тут Чи Шу ему и в подмётки не годился. Под такой гвалт, как на базаре, который устроили те женщины, наверное, во всём Чжижуне только Старина Люй мог так спокойно проспать.

— Не умер от испуга, так от злости умру, — буркнул Чи Шу, уже не стесняясь, и прямо на месте закурил.

Старина Люй покосился на него:

— Я же предупреждал тебя раньше — не становись учителем английского. Теперь понял?

— Да, ученик понял, — ёрнически ответил Чи Шу.

Старина Люй был учителем английского у Чи Шу ещё в старшей школе, именно он вытянул его отстающий английский.

Просто чары преподавания Старины Люя были слишком сильны: он так подтянул Чи Шу, что тот и сам пошёл в учителя английского. Окончив магистратуру, он вернулся в Чжижун на собеседование и вот уже десять лет здесь теряет волосы.

— Среди учителей английского — сплошные женщины, мужчины тут редкость, — Старина Люй, держа в руках пожелтевшую до черноты эмалированную кружку, наливал горячую воду, протяжно распевая, словно в опере. — Вот только эта редкость не так-то проста, в женские интриги нам, мужчинам, вмешиваться не стоит.

Чи Шу жестом с сигаретой в руке показал, чтобы тот замолчал:

— Старина Люй, лучше вам при других так не говорить.

Старина Люй высокомерно фыркнул:

— А что такого? Могут что-нибудь сделать?

— Да, ничего не могут сделать. Даже директор школы носит вас на руках, как драгоценность, пригласил вас восседать здесь — кто посмеет вас обидеть! — передразнил его интонацию Чи Шу.

Старина Люй неспешно отхлебнул чаю, с наслаждением ахнул, будто пробуя «Будда перепрыгивает через стену», и снова покосился на Чи Шу:

— Парень, шкуру зачесало.

Чи Шу развёл руками, сдаваясь, показывая, что невиновен.

— Не кури тут, воняет, — Старина Люй был крайне брезглив.

Чи Шу рассмеялся:

— Старина Люй, ты говоришь так, будто сам не куришь.

— Курю, но не твои слащавые, от запаха аж тошнит, — Старина Люй вытащил из кармана брюк свои сигареты, ткнул в них пальцем и, задрвав подбородок, заявил:

— Вот с хорошей душностью — это мужские сигареты.

Тут Старину Люя внезапно осенило, и он спросил:

— Кто тебя вообще начал приучать курить? Почему выбрал такие тонкие и сладкие?

— Сам, чтобы круто выглядеть, начал! — засмеялся Чи Шу, потряхивая сигаретой в руке. — Красивые же, тонкие-длинные, девчонкам нравятся.

Услышав объяснение Чи Шу, в мутных глазах Старины Люя появилось явное презрение:

— Катись отсюда подальше, даже запах твой тошнотворный.

Чи Шу покорно ответил «Эй!», совершил движение, будто евнух, отступающий после аудиенции у императора — отряхнул рукава, склонил голову — и послушно откатился к окну курить.

Кабинет английского для первых классов старшей школы находился на четвёртом этаже восточного корпуса. Из окна открывался вид на клумбы и зелёные насаждения. Как раз стояла ранняя осень: ярко-розовые цветы, усеивающие изумрудную зелень вперемешку с нежно-жёлтым, выглядели невероятно красиво.

Чи Шу скрестил руки на груди, прислонился к окну и, глядя на прекрасный пейзаж внизу, пускал клубы дыма.

Сладкий привкус с сигаретной бумаги после высокой температуры обжига превращался в аромат карамели. Он смешивался с табачным запахом, смягчая горечь, курилось насыщенно, без горького послевкуся.

Чи Шу задержал дым под языком, затем поднял голову и выпустил вдаль дымовое кольцо.

Белесое дымовое кольцо постепенно удалялось, плывя в воздухе и тонкими струйками рассеиваясь по сторонам, словно разматывая кокон, пока в центре не осталась пустота.

И взгляд Чи Шу, следивший за тем дымовым кольцом, по мере того как его центр постепенно рассеивался, медленно загорался.

Он уставился на образ, заключённый в центре дымового кольца, и в его глазах промелькнуло невероятное, восторженное изумление.

В центре того дымового кольца была силуэтная тень с чёрной окантовкой.

И этот силуэт был не кем иным, как тем самым хозяином Бянем, о котором Чи Шу всё время думал.

Мозг Чи Шу внезапно пронзила вспышка озарения. Он поспешно раздавил недокуренную сигарету, вытащил телефон, сразу перешёл в камеру и сделал снимок того дымового кольца.

Не стал ни корректировать цвет, ни обрезать — сразу отправил Бянь Яню.

[Чи Шу: Изображение]

[Чи Шу: Хозяин Бянь, даже дымовое кольцо, которое я выпускаю, имеет твои очертания.]

Отправив сообщение, Чи Шу положил телефон на подоконник, снова прикурил сигарету и прислонился к окну, не спеша покуривая.

Ему не нужно было пялиться на телефон — сам объект его мыслей был прямо перед глазами, и было прекрасно видно, ответил он или нет.

Более того, он и не рассчитывал, что Бянь Янь ответит. Отправка сообщения была просто для поддержания присутствия, чтобы дать знать Бянь Яню: если я, Чи Шу, сказал, что буду за тобой ухаживать, то это не шутка.

Я намерен устроить настоящий переполох.

Из восточного корпуса открывался вид на главную дорогу за пределами школы, а в дальнем конце этой дороги, напротив, находилась лавка самокруток Бянь Яня. Между ними было более двухсот метров — довольно приличное расстояние. Но у Чи Шу было отличное зрение, больше 5.2, и с этого кабинета он мог примерно разглядеть, что происходит в лавке самокруток.

Однако, поскольку расстояние было немалое, даже с прекрасным зрением Чи Шу не мог видеть всё в деталях. Он лишь различал, как его хозяин Бянь, в прозрачной маске, скручивает сигареты за панорамным окном. Движения его рук были быстрыми, сразу видно — опытный мастер.

В лавке не было подвесных ламп, лишь несколько настольных свечей в бутылках с прыгающими язычками пламени освещали прилавок. Огненно-красный и оранжево-жёлтый свет падал на ресницы Бянь Яня, и в сочетании с его сосредоточенным выражением лица это создавало неопишемую сексуальность.

Глядя на то, как Бянь Янь скручивает сигареты, Чи Шу с сожалением цокнул языком и тут же почувствовал, что Сюаньхэмэнь во рту потерял весь свой вкус.

В следующий раз нужно попросить хозяина Бяня собственноручно скрутить мне сигарету. Если не подарит, куплю, — подумал Чи Шу.

Хотя сигаретой насладиться не удалось, настроение всё же значительно прояснилось. Чи Шу собрал окурки с подоконника, выбросил в мусорное ведро, сунул в рот жевательную резинку, затем взял телефон и направился в лавочку вниз.

В Чжижуне было два магазинчика: один большой, другой маленький. Большой находился возле столовой, а маленький — в углу на первом этаже этого корпуса. До столовой было не дойти, и Чи Шу решил спуститься и купить что-нибудь перекусить.

Как раз было время посещения, и центральная клумба внизу была заполнена родителями и учениками. Кто-то приносил одежду, кто-то еду — всего понапихано, прямо как в тюрьме на свидании. Зато обычно невероятно переполненный маленький магазинчик сейчас был пустынным.

Чи Шу прошёл по магазинчику и наконец с трудом вытащил из кучи острой лапши и снеков почти просроченный сэндвич — тот ещё тип, в котором ни начинки толком, ни соуса, ни то ни сё. С отвращением он потрясал в руке эту вещь, затем вытащил из холодильника коробку чистого молока и расплатился.

<http://bllate.org/book/15609/1393451>